

И. Коноплин

Безкрестные могилы

Очерки из недавнего

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Коноплин**
Безкrestные могилы: Очерки из недавнего / И. Коноплин – М.: Книга по Требованию, 2023. – 109 с.

ISBN 978-5-517-88789-4

Предлагаемый ряд очерков есть не больше, как заштриховка пережитых впечатлений в дни гражданской войны на Украине. Всякие политические ситуации я исключаю: это вне моих задач и вне моей компетенции. Я попытался дать картины той обстановки и тех многообразных настроений, которые сопровождали поход одного из маленьких отрядов, а следовательно, и десятка других ему подобных. Много погибло безвестных в эти суматошные дни. Над их бескrestными могилами еще и еще заплачет будущая Россия, когда улягутся разгулявшиеся страсти и успокоятся враждующие умы. И. Коноплин
Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1922 года

ISBN 978-5-517-88789-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс
www.samizday.ru/reprint

КЪ ЮГУ

Это было въ смятенные дни 18—19 г.г.

Зима неторопливо раскладывала свой бѣлый коверъ надъ полями Украины. Уже на сѣверной ея границѣ играли мгlistыя вьюги, гудѣли вѣтры, близился острый, холодный январь.

Въ Курскѣ бряцалъ угрожающимъ мечомъ Троцкій, въ Харьковѣ объявлялъ и закрѣпилъ свою республику Балабачанъ, а недалеко отъ Кіева буйствовали отряды Пятакова и Евгеніи Бошъ.

Антибольшевицскія гражданскія и военныя организациі въ безпорядкѣ отступали на югъ; инныя отходили къ западу, намѣреваясь пробраться черезъ германскую границу. Разбросанные по всѣмъ угламъ Украины отряды спѣшно и неорганизованно снимались съ мѣста и тоже уходили... Всѣ перемѣшались: балабачановцы дрались съ гетмановцами, эристовцы* съ кирпичевскими** группами, петлюровцы сами съ собой... Всѣ эти стычки носили характеръ случайностей, но безъ убитыхъ и раненыхъ дѣло не обходилось.

* Отряды кн. Эристопа.

** Группы ген. Кирпичева.

Со всѣхъ сторонъ на насъ ползли черные, непровѣренные слухи, обрывки случайныхъ извѣстій, бѣглые намеки, но фактическаго столкновѣнія съ большевиками не было.

Къ первому января съ сѣверной границы Украины отъ р. Сейма и Десны почти всѣ отряды уже отступили къ Днѣпру, безпокойно и тревожно двигаясь дальше къ югу.

Въ числѣ другихъ отступалъ и нашъ отрядъ.

Избирали пути, кто какъ умѣлъ. По огромнымъ, снѣжнымъ полямъ дни и ночи двигались санные обозы, шли усталыя, удрученныя толпы народа, одѣтыя въ шинели и пиджаки, съ мѣшками на плечахъ, съ винтовками и шашками. За ними тянулись орудія, гремя по замерзлымъ дорогамъ, обозы съ пулеметами, развѣдочныя команды.

Измученные и обезсиленные переходами люди часто падали въ снѣгъ и замерзали. Рѣдко кто заботился о ихъ судьбѣ. Среди отступающихъ развилось пьянство — пили по деревнямъ „самогонку“, губительно разрывающую и безъ того неорганизованные антибольшевистскіе ряды. И въ дѣйствительности они скорѣе походили на маленькіе, шаткіе островки среди бушующаго моря, чѣмъ на твердыя, неуступчивыя скалы, за которыми была бы сила и сопротивленіе. Знали ли мы, что дѣлается на югѣ? — Абсолютно нѣтъ. „Слухи“ долетали: кто-то и что-то готовится, ѣдутъ французы, везутъ съ собой страшные танки, чудовищные ультра-фіолетовые лучи. Вѣрили мало, но къ югу шли; шли безъ дорогъ, потому что боялись ихъ... Глухая тревога давила и безпощадно гнала все дальше и дальше отъ сѣвера.

БАХМАЧЪ

Почти въ сумерки мы оставили маленькій городокъ Путивль. Черезъ замерзшее поле мы двинулись къ полотну желѣзной дороги, задуваемые снѣжной мятелью и порывами буйнаго вѣтра.

Молчали. Тоска надвинулась холодно и угрюмо. Едва-едва вытягивали ноги изъ вязкихъ сугробовъ. Уныло шумѣлъ лѣсъ у дороги. Лаяли на деревнѣ собаки. Какая-то затаенная горечь и безкрайняя обида сжимали сердце и на глаза набѣгали слезы. Куда же идти?

Уже стемнѣло. Вотъ все ближе и ближе вырисовывается изъ мятели глухая станція. Это — Путивль. Я знаю — тамъ за нею, въ нѣсколькихъ шагахъ мой домъ. Меня ждутъ. Ни отецъ, ни мать не подозрѣваютъ того, что мы проходимъ въ эту ночь мимо... куда?.. неизвѣстно... Во всякомъ случаѣ — къ югу.

Станція Грузское. Въ селѣ тихо. Кое-гдѣ еще горятъ вечерніе огни. На запасныхъ путяхъ стоятъ заброшенные вагоны. Вѣтеръ шумно раз-

гуливаетъ между ними. Одинокій затушенный паровозъ, казалось, прислонился къ башнѣ водокачки и задремалъ въ темнотѣ.

— Отчего бы намъ не поѣхать составомъ? сказалъ кто-то.

Вѣрно.

Доложили командиру отряда В.; снарядили рабочихъ, послали своего машиниста, начались приготовленія. Остальная часть отряда размѣстилась по избамъ. Въ окнахъ заблестѣли частые огни, по дворамъ зашумѣли упряжью и пулеметами. На краю села кто-то запѣлъ. Новый притокъ грусти и раздумій.

На разсвѣтѣ насъ разбудилъ сигналъ.

— Строиться.

Снова суета, торопливыя приготовленія. Къ пустой станціи потянулись повозки съ продуктами, пулеметныя и др. Загрохотали по мерзлой землѣ орудія; село проснулось, оживилось возбужденнымъ говоромъ и выкрикомъ солдатъ. Кое-гдѣ у воротъ стояли бабы. Онѣ тихонько крестились, сопровождая насъ испуганными взглядами.

— Ну, господа, — сказалъ В., обращаясь къ офицерамъ, — на вашей обязанности лежитъ прежде всего позаботиться объ охранѣ своихъ людей, а затѣмъ и о планомѣрномъ распредѣленіи имѣющихся продуктовъ; объ остальномъ мы поговоримъ въ Конотопѣ.

Погрузка повозокъ и лошадей, пулеметовъ и орудій была произведена скоро и безъ особыхъ затрудненій. Около полудня мы выѣхали изъ Грузского на Конотопъ, гдѣ по слухамъ уже

скопились разныя части, главнымъ образомъ черноморскія, подъ руководствомъ атамана Ангела*. Почти неотступно за нами изъ Ворожбы уже двигалась большевистская конная развѣдка.

Въ Конотопѣ, какъ и слѣдовало ожидать, всѣ пути были забиты. Эшелоны за эшелонами отходили на Бахмачъ. На вокзалѣ стоялъ невообразимый гудъ толпы. Бродили солдаты. Усталыя лица, злая ругань, неясныя, глухія угрозы...

Командиръ послалъ меня къ Ангелу за справкой.

— Вы кто такіе? — рѣзко спросилъ онъ, когда я вошелъ въ его вагонъ.

— Мы... — я запнулся. Сказать: „Эристовцы“ — нельзя. Ангелъ, по выраженію его солдатъ, „демократычна людына“ — онъ противъ гетмана, противъ Петлюры, противъ всѣхъ. Но кто же мы?

— Мы черноморцы! — сказалъ я.

— А... ладно, — раздумчиво кинулъ Ангелъ, — вамъ отправляться сейчасъ.

Я сообщилъ командиру о моемъ разговорѣ съ Ангеломъ. Онъ втихомолку улыбнулся.

— Это хорошо, — сказалъ В., — вы избавили насъ отъ лишнихъ объясненій съ „демократычною людыною“.

Къ вечеру эшелонъ нашъ мѣрно катился къ Бахмачу. Оттуда открывалась отдушина. Хотѣлось въ это вѣрить...

Въ Бахмачъ пріѣхали, когда сумерки окончательно затянули окрестности; станція спала глухимъ сномъ. Только одинъ сиротливый фонарь

* Впослѣдствіи крупный бандитъ, причинившій не мало хлопотъ всѣмъ властямъ, перебывавшимъ на Украинѣ.

мерцалъ надъ входной дверью у платформы. Село, раскинутое за станціонными постройками, тоже мирно спало. Неуемный вѣтеръ безпокойно бѣгалъ по крышамъ избъ и, путаясь въ деревьяхъ, уныло шумѣлъ. Изъ служащихъ только одинъ начальникъ станціи. Мы подошли къ нему.

— Отчего это никого нѣтъ, кромѣ васъ?
— спросили мы.

На его худомъ, блѣдномъ и усталомъ лицѣ скользнула и сейчасъ же быстро стерлась неопредѣленная улыбка.

— А не знаю, — вздохнулъ онъ, — должно быть бояться васъ.

— Чего же насъ бояться?

Онъ ничего не отвѣтилъ.

Черезъ часъ паровозъ набралъ воду, дежурная часть произвела нагрузку дровъ и подготовила эшелоны къ дальнѣйшему пути.

Почти больной, начальникъ станціи все время помогалъ намъ и старался держаться у всѣхъ на глазахъ.

Я не выдержалъ и подошелъ къ нему.

— Вы бы спать пошли, — сказалъ я.

Онъ махнулъ рукой.

Уже недѣли двѣ вотъ такъ... ничего...

Было искренно жаль этого неустаннаго труженика во всѣхъ „революціяхъ“, которыя тянулись длинной вереницей передъ его глазами...

Къ часу ночи было отдано распоряженіе выставить посты и выслать за вокзалъ дозоры: мы остаемся въ Бахмачѣ до разсвѣта.

Ночь дышала жестокимъ холодомъ. Дуль острый вѣтеръ, дерзко нагибая къ сугробамъ березы и ели... Что-то загадочное залегло въ спящихъ окрестностяхъ. Съ трудомъ прокрадываясь сквозь громоздящіяся въ небѣ тучи, на землю падалъ синеватый лунный блескъ, разбѣгаясь мутнымъ серебромъ по снѣжнымъ полямъ. Въ вагонахъ слабо дрожали огни, едва-едва пробиваясь черезъ замерзшія окна. Гдѣ-то близко крикнулъ пѣтухъ. Кашлянулъ часовой на площадкѣ вагона у пулемета. Все какъ будто заковалось въ мертвый серебряный сонъ...

Внутри вагоновъ — одни играли въ карты, другіе пили чай, третьи „самогонку“, четвертые, сбившись въ кучу, спорили о политикѣ и большевикахъ.

Вдругъ среди общей тишины два громкихъ раскатистыхъ ружейныхъ выстрѣла и чей-то предостерегающій крикъ.

— Что такое?

Я бросился къ постамъ у пулеметовъ*.

Грянулъ ружейный залпъ. Пули злобно и рѣзко визгнули по вагонамъ, съ дребезжаніемъ и звономъ посыпались стекла, послышались стоны. Я обернулся: изъ за снѣжнаго наноса уполотна плелось буйное, огненное кольцо; переливчато-мрачно рокотали пулеметы напавшихъ на насъ. Воздухъ оглашался двухсторонними криками. Изъ вагоновъ падали люди: одни убитыми, другіе ранеными, третьи съ винтовками, готовясь погибать.

Я лежалъ у пулемета. Бѣшено дрожалъ онъ въ моихъ рукахъ, изрыгая ленту за лентой. Что

* Я былъ начальникомъ пулеметной команды въ эшелонѣ.

тамъ впереди насъ было? Куда летѣли пули, кого поражали? Я не зналъ. Я билъ по снѣжной насыпи, я злобствовалъ, я водилъ вправо и влево сыплющій пулями стволъ, стараясь подавить тамъ, на насыпи, сверкающіе огни, гремящіе залпы ружей... Вдругъ я почувствовалъ какъ что то острое проколело мнѣ руку. Она свалилась съ ручки и пулеметь затихъ... Ко мнѣ подбѣжали. Изъ глубины вагона дико, истошно кричала женщина:

— Спасите, спасите... дѣточку, дѣточку убили... Ааа...

Падали лунные блики. Я видѣлъ, какъ ползала женщина на колѣняхъ по полу, нелѣпо взмахиwała руками, хваталась за искривленный ротъ и падала на мѣшки въ проходѣ.

Кто-то громко, пытаясь заглушить выстрѣлы, крикнулъ:

— За мѣшки, скорѣй!

Женщина стонала, а за вагонами дрожалъ отъ бѣшенago огня воздухъ и трепетали безобразные, жуткіе крики.

Черезъ двѣ, три минуты за водокачкой раздалось:

— Ура....а...а...

Эхо въ глухихъ улицахъ, разбуженныхъ ночнымъ безуміемъ, звучно откликнулось. Кто-то тяжело дышалъ, на площадкѣ слышенъ былъ жалкій, придушенный плачь.

Мы спасены, отбились. Напавшіе бѣжали черезъ лѣсъ за деревню, оставивъ убитыхъ и раненыхъ.

Мы бросились къ „ихъ“ линіи; валялись еще теплые трупы, стонали раненые. Одинокo чернѣлъ

на снѣгу брошенный пулеметь Кольта и рядомъ патронные ящики.

Господи, что же это такое? Неужели это мы — братья — русскіе...

Ночь длилась, какъ душный сонъ. Утихли крики... Холодно, страшно, съ тупымъ равнодушіемъ лила мутновато-серебряный свѣтъ на эту картину луна. Люди бѣгали, суетились, бросали трупы во рвы, втаскивали ихъ для чего-то на пустыя вагонныя площадки. Цѣпляясь за поручни, я влѣзъ на площадку. На меня глянули чьи-то круглые, стеклянные глаза. Я остановился. Зацѣпившись за буферные крючки, у желѣзныхъ прутьевъ площадки торчала чья-то фигура. Я окликнулъ. Ни звука. Я тронулъ рукой солдата — онъ былъ убитъ. Губы отвисли — большія, синія; щеки бѣлыя съ темными пятнами. Кто онъ?

Отвращеніе меня давило. Я переборолъ его и полѣзъ къ мертвецу въ мѣшокъ. Порылся. Черезъ минуту среди тряпья нащупалъ какой-то свертокъ — газета и въ ней записная книжка: Семень Бородиловъ изъ д. Виры, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи, военноплѣнный изъ Германіи... Какъ попалъ онъ къ намъ?

Впечатлѣніе недолго хранилось въ сердцѣ и памяти: Бородилова бросили на полъ въ углу вагона; черезъ него ходили, цѣплялись ногами и громко отругивались по этому поводу. Потомъ вынесли и бросили въ канаву.

Все успокоилось. Трупы засыпали снѣгомъ, пулеметы стащили обратно на площадки. Поѣздъ вытянулся длинной, черной лентой къ выходной стрѣлкѣ. До разсвѣта надо оставить эту станцію, идти на Прилуки, а оттуда на Бѣлую Церковь... Почему? — неизвѣстно. Вѣрно одно — здѣсь скопляются банды. Связанные по рукамъ и ногамъ желѣзнодорожнымъ движеніемъ мы не имѣемъ возможности скрыть свои планы, какіе бы они ни были; двигаясь вдоль полотна дороги, мы даемъ бандамъ карты въ руки: онѣ знаютъ нашъ путь, мы не знаемъ ихняго...

Четвертый часъ ночи. Мы безшумно трогаемся. Люди идутъ съ винтовками рядомъ съ вагонами, едва-едва ползущими.

— Трахъ... тах... тах...

Засыпали снова ружейные выстрѣлы изъ-за избы. Вслѣдъ затѣмъ отъ водокачки на насъ черной вздыхающей массой, пыхтя и рыча, полѣзъ паровозъ.

— Начиненъ снарядами! Братцы, берегитесь... — крикнулъ какой-то солдатъ.

Неудержимой лавиной люди кинулись подъ откосы, въ занесенные снѣгомъ рвы, за бугры, съ бьющимся сердцемъ ожидая конца.

Паровозъ все ближе и ближе. Еще минута и окрестности огласятся потрясающимъ взрывомъ...

Но вдругъ рѣзкій вскрикъ орудія поколебалъ воздухъ: паровозъ зашипѣлъ и, коротко вздохнувъ, остановился. Чья-то фигура, взметнувъ руками въ воздухъ, упала внизъ съ площадки эшелона, гдѣ стояло орудіе. Люди бросились къ сбитому паровозу. Кто-то кричалъ: — Переводи стрѣлку! Берегись!